
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

УДК 82–14

КОЛЕСНИЧЕНКО А.И.¹ ШАНДОР КИШ О ДОГОВОРЕ КАК СТРУКТУРИРУЮЩЕМ МОТИВЕ ЛЭ МАРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ.
DOI: 10.31249/lit/2022.03.12

Аннотация. Новое исследование венгерского филолога Шандора Киша о лэ Марии Французской и роли в них договора не только выявляет структурирующий мотив всего сборника, обеспечивающий его цельность, но и открывает новый взгляд на давно известные сюжеты как на совокупность договоров, заключенных между героями.

Ключевые слова: средневековая французская литература; Мария Французская; лэ; сборник Марии Французской; любовный договор; брачный контракт; мотив договора в литературе.

Для цитирования: Колесниченко А.И. Шандор Киш о договоре как структурирующем мотиве лэ Марии Французской // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2022. – № 3. – С. 185–193. DOI: 10.31249/lit/2022.03.12

KOLESNICHENKO A.I. Šandor Kiss on a contract as a structuring motif in Marie de France's lais.

Abstract. In his new study the Hungarian philologist Sandor Kish reveals the structuring role of the motif of contract between the characters in the entire collection of Marie de France's lais, ensuring its

---

¹ © Колесниченко А.И., 2022

Колесниченко Александра Ивановна – студентка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, романо-германское отделение.

integrity. His approach also allows a new look at many classic plots as interactions of different agreements concluded between the heroes.

Keywords: medieval French literature; Marie de France; lai; love contract; marriage contract; motif of contract in literature.

To cite this article: Kolesnichenko, Alexandra I. “Modern and classical translations of *The Raven* by E.A. Poe: The problem of interpretation of the motif system”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 3, 2022, pp. 185–193. DOI: 10.31249/lit/2022.03.12

Шандор Киш, исследователь средневековой французской литературы из Дебреценского университета, рассматривает в своей статье [2] мотив контракта как связующее звено всех лэ в знаменитом сборнике Марии Французской. Лэ как нарративный жанр является, по сути, «предновеллой» (*pré-nouvelle*) с характерными для жанра новеллы чертами, к которым относится, например, краткость повествования.

Исследуемое произведение Марии Французской представляет собой 12 отдельных, независимых друг от друга историй, которые, однако, связаны тематически и структурно и, как показывает Ш. Киш в [2], объединяются также наличием центрального, определяющего мотива: таким мотивом является любовный контракт, не всегда представленный явно, но играющий одну из главных ролей в создании интриги. Рассматривая лэ с этой точки зрения, Ш. Киш приходит к оригинальной классификации историй, вошедших в сборник и образующих внутри него единую повествовательную ткань на основе разнородного материала, подтверждая тем самым наблюдение П. Зюмтора о том, что лэ Марии при всем их «значительном видимом разнообразии» весьма сходны по «внутренней организации» [1, p. 390].

Мотив контракта, считает Ш. Киш, напрямую связан с проявляющимися в сюжетах негласными договоренностями между персонажами, основанными на провозглашаемых повествователем ценностях. Вопрос о ценностях принципиально важен для лэ как жанра, поскольку определяет сам характер «контрактов», их соблюдение или нарушение персонажами, искажение или исполнение в первоначальном виде. Конечно, мотив обязательства, соглашения обладает важной сюжетной функцией также и в нарративных жан-

рах крупной формы – например, в романах Кретьена де Труа, – но только в короткой повествовательной форме может претендовать на роль центрального структурообразующего фактора.

Ш. Киш в [2] выделяет четыре типа конфликта. Конфликт первого типа рождает противоречие между двумя несовместимыми договорами. Они наиболее ярко проявлены в двух лэ – «Лэ о жимолости» и «Лэ об Элидюке»: оба затрагивают тему супружеской измены, хотя конфликт между супружеской верностью и *fin'amors* (куртуазной любовью) решается в них по-разному. В «Лэ о жимолости» повествователь не тратит дополнительных усилий на развитие конфликта, поскольку взятая за основу история Тристана и Изольды хорошо известна читателю. Автор лэ стремится лишь прояснить сущность любви героев – таким образом, чтобы все объяснения причин разрыва «первого контракта» (т.е. супружеской верности) стали излишни: вторым, порождающим конфликт, контрактом является влечение, связывающее Тристана и королеву.

В «Лэ об Элидюке» Мария изображает чувства героев в их поступательном развитии, и первый контракт нарушается лишь после серьезных внутренних колебаний главного героя. Элидюк и Гилделюэк живут в совершенной супружеской верности, но, оказавшись на чужой земле, Элидюк встречает красавицу Гильядун. Разрушение первого договора медленно подготавливается автором, при этом значительное внимание уделено внутреннему конфликту Элидюка, который обманывает обеих женщин, за что в итоге наказан судьбой: жена, узнав об измене, постригается в монахини, а в конце жизни ее примеру следует и Гильядун. «Гарантом» нового договора верности, основанного на преодолении ревности и самого себя, становится Бог. Представляя конфликт первого типа, «Лэ об Элидюке» рисует динамичную картину развития чувств и переосмысливает мотив нарушения супружеской верности, в то время как «Лэ о жимолости» представляет статичное изображение конфликтной ситуации.

Второй тип конфликта Шандор Киш различает в группе историй, где ценность, изначально лежавшая в основе контракта, в ходе повествования изменяется до неузнаваемости, и даже вырождается, вследствие чего утративший актуальность контракт может быть отменен или заменен другим, дающим свободу от пер-

вого, хотя и чреватым иными трагическими последствиями. В «Лэ об Эквитане» любовь между королем и женой сенешаля соответствует куртуазному кодексу. Король обещает быть для нее не королем, а лишь верным «подданным» и преданным возлюбленным: «Ne me tenez mie pour rei, / mes pur vostre humme e vostre ami»¹ [3, Vers: 170–171]. Однако в дальнейшем отношения влюбленных приведут к душевной деградации: они задумывают убийство сенешаля, за что оказываются наказаны.

Тот же тип конфликта выявляется в группе лэ, где фигурирует куртуазный архетип ревнивого мужа. Fin'amog должна основываться на свободном согласии, а ревнивый муж превращает брак в тюрьму, вызывая нарушение данного контракта и приводя к различным коллизиям. «Лэ о Лаостике» можно рассматривать как образцовую историю, основанную на данном конфликте. В этом лэ первый контракт (супружеской верности) «душит» второй: ревнивец-муж душит соловья, который дарил счастье его жене. Она, в свою очередь, сохраняет тельце птицы, обертывает его и отправляет возлюбленному как залог и символ их любви. В итоге, как, цитируя Э. Синэра, констатирует Ш. Киш, «временное поражение любви перед реальностью лишь крепче запечатало узы, объединяющие влюбленных» [4, р. 135], т.е. укрепило второй контракт.

Мотив «любовь=тюрьма» присутствует также и в «Лэ об Ионеке», в котором задействованы мотивы чудесных бретонских легенд. Ш. Киш выявляет здесь несколько иной вариант контракта – договор между обыденным и волшебным миром. Молодая жена, «surteise e forment bele» («куртуазно образована и хороша собой»), но заперта в доме и пребывает под пристальным надзором мужа. Дама в отчаянье сокрушается по поводу «брачного договора», жертвой которого стала. Но по законам мифа, ее плач имеет силу призыва, и в ту же секунду в окно влетает птица, превращается в благородного рыцаря, предлагая даме решение проблемы. Между персонажами заключается второй договор – любовный. Шандор Киш проводит параллели между кульминационными эпизодами «Лэ о Лаостике» и «Лэ об Ионеке»: в обоих мужья совершают месть, но их жены все равно сохраняют верность второму любов-

---

¹ Не воспринимайте меня королем, но вашим подданным и другом. (Здесь и далее перевод мой. – А. К.).

ному договору. При этом в «Ионеке» торжествует справедливость: плод истинной любви, сын дамы и рыцаря, в конце концов, отомстит за своего отца.

Вскрывая в «Лэ о Гижмаре» еще более разветвленную систему договоров между персонажами, Ш. Киш, в первую очередь, обращает наше внимание на то, что здесь впервые рассказчиком предпринимается попытка объяснить мотивы поведения ревнивого мужа, понять его психологию: «Mut fu vielz hum, e femme aveit/ Une dame de haut parage, / Franche, curteise, bele e sage. / Gelus esteit a desmesure, / Kar ceo purporte la nature /Ke tuit li vieil seient gelus»¹ [3, vers 210–215]. Любовный договор между влюбленными формируется здесь в ходе долгого, хорошо выстроенного диалога: Гижмар убеждает даму принять предложение любви, как и подобает даме «de bon purpens» («хороших нравов»). Завершая прения призывом: «Bele dame, finum cest plait» («Госпожа, оставим этот спор»), Гижмар, по мнению ученого, не случайно использует юридический термин, обозначающий «дебаты», «судебные процессы»: на самом деле он предлагает даме выйти из первого любовного контракта и заключить новый. Как только дама демонстрирует рыцарю свое расположение (*druërie*), начинается испытание: влюбленным следует расстаться, чтобы не обнаружить своей любви. В этом положении они заключают еще один договор с обрядовыми чертами, который обеспечит их верность друг другу. Ритуальный элемент, пишет Ш. Киш, привлекается автором лэ всякий раз для подтверждения договора и подчеркивает его исключительность, перемещая действие во «вселенную», ускользающую от обыденности.

Третий тип конфликта исследователь выявляет в историях, где заключенный договор сохраняется, отношения связанных им героев находятся в гармонии, но подвергаются «нападению извне». В «Лэ о Ланвале» рыцарь заключает любовный договор с дамой из другого мира. Дама привносит в него жестокое ограничение – необходимость держать любовь в секрете. Внешнюю угрозу любви представляет королева, требующая любви рыцаря. Отказ

---

¹ Он был стариком и имел жену высокого происхождения, красивую, благородную и мудрую. Он стал чрезмерно ревнив, потому что это естественно: с возрастом становишься ревнивецем.

рыцаря ее ранит, она хочет отомстить за невыполнение договора и обвиняет Ланваля в любви к мужчинам, а не к женщинам: «Asez le m'ad hum dit sovent / Que des femmes n'avez talent!»¹ [3, vers 279–280]. Ланваль в гневе забывает не только об обязанности уважать королеву, но и о своем любовном договоре: он рассказывает, что является другом женщины, во всем превосходящей королеву. После этого возлюбленная рыцаря, фея, перестает отвечать на его призывы. Конфликт разрешается после того, как фея убеждается в ложности обвинений: тогда она спасает возлюбленного и уводит с собой в волшебный мир. Ориентируясь на представление Ж. Фрапье о том, что понятие потустороннего «легко распространяется на область куртуазной любви» [4, р. 31], Ш. Киш подчеркивает, что «другой» мир обладает здесь искупительной функцией, предлагает утешение от тревог и забот обыденного мира: «Разве адепты fin'atog не запираются в собственной вселенной – привилегированной, запретной для мирян, зарезервированной для особой элиты, пребывающей вне законов обычной морали и социального служения?» [4, р. 31].

Несколько иная угроза нацелена на любовную клятву героев «Лэ о ясене». Любовный договор здесь не совмещается с традициями и обычаями. Первый контракт (любовь Френ и рыцаря) расторгается ради выполнения обычая и заключения второго контракта (равного брака). Но, как и в «Ланвале», влюбленные здесь спасены, их желание исполняется, причем даже без сверхъестественного вмешательства. Ш. Киш видит в основе этих двух рассказов стремление автора лэ поместить проблематику любви в более широкий социальный контекст, не отделимый от актуальных проблем и угроз, однако сама возможность счастливых любовных контрактов в них не отрицается. К той же группе лэ, где любовь претерпевает столкновение с социальными условиями, Шандор Киш причисляет также «Лэ о Милуне», где влюбленным приходится расстаться из-за появления незаконнорожденного ребенка. Первый контракт в нем напрямую связан с рождением общего сына. Второй – с намерением выросшего бастарда убить мужа своей матери и воссоединить родителей. Конфликт разрешается не чудом и не оглаской тайны, а «естественным образом»: приходит

---

¹ Часто мне о нем говорили, что он не умеет обращаться с женщинами.

весть о смерти законного мужа. В итоге брак Милуна и его подружки устраивается их сыном – как в народной сказке.

Четвертый тип конфликта в лэ сборника Марии Французской отражают истории, выделяющиеся странностью исходной ситуации, в которой пребывают герои. Изначальный контракт представляет собой прочную опору повествования, однако с самого начала изображен как недопустимый по самым разным причинам. Этот тип конфликта позволяет автору показать, к чему могут привести избыток отцовской любви, затянувшаяся нерешительность в любви или вмешательство потусторонних сил в жизнь человека. Так, «Лэ об оборотне» показывает историю брака, разрушенного вмешательством таких сил. Барон, любимый своим сеньором, женой, соседями, вынужден каждую неделю отлучаться куда-то на три дня. Жене он признается в своей двойной природе: покинув общество людей, он превращается в зверя. Рассказывает он ей и о том, где хранит одежду, пока в зверином облике охотится в лесу. Жена, почувствовав свободу от брачных уз, крадет одежду, тем самым лишая мужа возможности снова стать человеком. Ее решение объясняется рассказчиком так: «Ne voleit mes lez lui gesir»¹ [3, vers 102]. Ш. Киш видит здесь счастливую версию истории, построенной на абсурде: первоначальный контракт, который должен был обеспечить герою нормальную жизнь, аннулируется и заменяется новым договором – причем не любовным, а договором о служении королю.

В отдельных случаях любовному союзу может помешать та или иная склонность. Мария Французская часто изображает проявления любви, построенные на болезненной психологической ситуации. Так, в «Двух любовниках» действует разрушительная отцовская ревность. Отец главной героини ищет способ оттолкнуть от дочери мужчин и ставит невыполнимое условие всем претендентам на ее руку – они должны пронести девушку на руках на вершину холма, не останавливаясь по пути. Девушка, осознавая, что отец никогда не отдаст ее замуж, тайно заключает любовный договор с одним рыцарем. Он решает пройти испытание с помощью магического зелья, но в нужный момент отказывается его пить и умирает от истощения, достигнув вершины, а его возлюб-

---

¹ Не хочу больше спать рядом с ним.

ленная умирает рядом с ним. В этой группе рассказов, основанных на подобного рода абсурдных или мошеннических контрактах, препятствие любви могло бы быть побеждено символически, полагают Ш. Киш.

Подводя итоги, он отмечает, что в лэ Марии Французской очень многие договоры оказываются нарушены или искажены, однако остается одно обязательство, которое должно соблюдаться всегда, поскольку составляет основу самого повествования – это договор, который рассказчик заключил с читателем. Пролог, предваряющий повествование сборника, обещает сохранить память о приключениях прошлого, а также поэтическую преемственность – переписав бретонские легенды для потомков: «Plusurs en ai oï conter, / Nes voil laissier ne oblir»¹ [3, vers 39–40]. В русле этого главного договора Мария Французская сохраняет дистанцию между реальной жизнью и вымыслом: прежде чем начать повествование, напоминает о бретонском источнике и возвращается снова к нему в заключение, ограничивая тем самым собственную роль передатчей этих историй.

На более абстрактном уровне ее контракт с аудиторией реализуется через выбор темы и структуру повествования. Концепция куртуазной любви, зародившаяся в аристократических кругах во второй половине XII в., подняла широкий круг проблем, которые Мария рассматривала в соответствии с горизонтом ожиданий современных ей «потребителей» литературы. Выявленный в ее лэ Шандором Кишем фоновый мотив – повторяющаяся отсылка к контрактам, находящимся под угрозой: подвергающимся испытанию, отмененным или замененным другими, – играет в них структурирующую роль. Стремление показать огромное значение всевозможных «контрактов» – условностей – в человеческой жизни определяет психологическую и повествовательную стратегию Марии Французской, как и понимание ею требований к новой аристократической публике. Мужественно принимая сложность человеческих отношений в эпоху, когда формы эмоциональной жизни становятся все более осознанными, она показывает зарождающиеся новые пути для проявления новой чувствительности.

---

¹ Многие из них я услышала и не хочу дать им забыться.

Список литературы

1. Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики.
Zumthor P. Essai de poétique médiévale. – Paris : Seuil, 1972. – 520 p.
2. Киш Ш. Договор как структурирующий мотив в лэ Марии Французской.
Kiss Š. Le contrat comme motif structurant dans les Lais de Marie de France // Formes brèves : au croisement des pratiques et des savoirs [en ligne]. – Angers : Presses universitaires de Rennes, 2019. – P. 103–119. – URL: <https://books.openedition.org/pur/140208> (date of access: 1.04.2022).
3. Лэ Марии Французской.
Lais de Marie de France / texte établi par Warnke K. – Halle : Max Niemeyer, 1900. – 350 p. – (Bibliotheca Normannica).
4. Синэр Э. Лэ Марии Французской : о чудесных сказках в психологической новелле.
Sienaert E. Les Lais de Marie de France : du conte merveilleux à la nouvelle psychologique. – Paris : Honoré Champion, 1978. – 239 p.
5. Фраппье Ж. О структуре лэ. Заметки о жанровом определении и классификации.
Frappier J. Remarques sur la structure du lai. Essai de définition et de classement // La littérature narrative d'imagination, des genres littéraires aux techniques d'expression. – Paris : Presses universitaires de France, 1961. – P. 15–35.